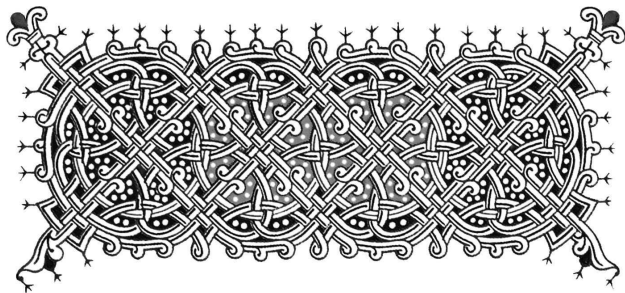

В СПЕЦТАХ

В Крестах-сельце было, месяца ноября в десятый день.

Утром по Московской дороге примчали верховые, человек десять, все на больших, не способных для мирного дела конях, собою нарядные, в багряных с прозолотью кафтанах, только сильно грязные от осенней расхлябицы. Старший, в шапке с волчьим хвостом, крикнул старосту. Тот уж и сам бежал от дома, стряхивая с бороды крошки (время было завтрашное).

— Гостебная изба есть? — спросил сверху волчий хвост, не дослушав величания.

— Как не быть, коли положено. — Староста впопыхах не захватил чем покрыть голову и мял порожнюю макушку ладонью, пытаясь угадать, что за люди и какой от них ждать беды. — А как же. В порядке содержим. Две дороги через нас идут, одна с Пскова на Вологду, другая с Верху на Низ, потому и зовемся — Кресты...

— Кто снизу, а кто сверху, это вы, куры новгородские, скоро спознаете! — непонятно чему ухмыльнулся верховой. — Давай, давай! Показывай!

Гостебная изба, в которой останавливались торговые люди, гонцы или если ехал кто важный, была большая, но ветхая. Высокое крыльцо скособочилось под гнилым шатерцом, ступеньки промялись.

Староста семенил за быстро шагающим по горницам хвостатым (шапку не снял, ирод, на икону не перекрестился):

— Сейчас велю подмести, прибрать, сенца свежего на пол, печь растопим, отдохнете с дорожки...

Брезгливо наморщив нос на прыснувших со стола мышей, волчий человек выскочил обратно во двор, где ждали остальные.

— Встать кругом, никого не подпускать! — Старосте приказал: — Обеги село, скажи, чтоб из домов носа не высовывали. Сам вернись сюда к крыльцу. Жди.

Прыгнул с земли, по-татарски, в седло — и помчал назад, в низовую, то есть московскую сторону, только брызги грязи из-под копыт.

Спросить кто таков, почему распоряжается, староста и не подумал. Кресты были село пуганое. А и что спрашивать? Чей Низ, известно — великого князя, и ехать с той стороны кроме какого-нибудь большого московского человека, дьяка, а то и боярина, было некому.

Четыре года назад, когда между Низом, Москвой, и Верхом, господином Великим Новгородом, случилась большая война, так же вот налетели с Московской дороги великокняжеские татары, наделали делов: дома пожгли-пограбили, кто не успел спрятаться — мужиков поубивали, баб попортили, теперь вон татарчата по селу бегают.

Обходя дома, староста кричал одно и то же: «Москва едет! Хоронись!»

И с задней стороны бежали к лесу молодые бабы с девками, а хозяева набыстро прятали в тайники ценное. Село стояло на месте беспокойном, но бойком и жило сытно, грех жаловаться.

Через четверть часа в Крестах сделалось тихо. Оставшиеся боялись по домам, глядели через щелку в сторону Московской дороги.

Невеликое время спустя оттуда выползла серая змея: высунула голову на верхушку холма, спустилась на поле, вытянулась.

Староста волновался у крыльца, глядел из-под руки.

Никак войско? Неужто снова война?

Но, разглядев за кучкой всадников возки и телеги, десятка три или четыре, выдохнул. Обоз или караван.

На всякий случай встал на колени и прихваченную во время обхода шапку сдернул. Однако никто важный, кому земно кланяться, из подъехавших возков не вышел. Полезли слуги в одинаковых зеленых кафтанах, будто горох из порвавшегося мешка. Что-то разгружали, тащили, развертывали.

Только раз староста понадобился — спросили, где колодец и чиста ли в нем вода. Зачерпнули, попробовали — показалась нехороша. Потащили бочонок со своей водой.

Ух ты! На ступеньки крыльца лег длинный красный ковер, растянулся прямо по грязи, до самой дороги. Юркие зеленые люди, перебрехиваясь

суетливым, акающим московским говором, волокли в дом еще ковры, тяжелые сундуки, резные скамьи, кресло с высокой спинкой.

Другие, в багряных кафтанах, с двухголовой золотой птицей на спине, у каждого на боку сабля, поехали вдоль улицы, что-то выглядывая или проверяя.

Старосте снова стало тревожно. Что ж это будет-то, Осподи? Кого с Москвы несет?

Однако приехали с другой стороны, сверху, от Новгорода.

Переваливаясь из рытвины в рытвину, через Кресты прыгал кожаный короб на широких колесах, весь залепленный грязью. По бокам рысила шестерка конных холопов.

Староста удивился: осенью, по разбитому пути в колымагах никто не ездил, только сухим летом или зимой, на полозьях, а осенью и весной — верхами.

Но разъяснилось.

Один холоп соскочил, снял с задка деревянный стул, поставил на землю; двое других, дюжих, открыли дверцу, приняли на руки тучного старика в шелковой шубе, усадили. Старик оказался калека, а стул непростой, на малых колесах: толкнули сзади — покатылся.

Человека этого в Крестах видали и прежде, еживал. Большущий боярин, наместник от великого князя при Господине Великом Новгороде — Борисов Семен Никитич, кто ж его не знает. Ноги у него недужные, не ходячие, зато руки загребущие. Это он со всех новгородских пятин для московского государя положенную дань собирает, зорко доглядывает.

Земно кланяясь московскому боярину, староста незаметно перекрестил живот. Ну, если всё готовлено для Борисова — оно ничего, не страшно. Борисов — привычный, почти что свой, лютого зла не сделает.

Однако наместник, на старосту даже не взглянувший, тоже был беспокоен. Приподнимался на своем калечном стуле, тянул шею в сторону Московской дороги. Подрагивали жидкие усы, тряслась растрепанная желто-серая борода, росшая странно — пучками в обвод одутлого лица.

— Здесь ставьте! — крикнул Борисов слугам. — Поверните только. Как цыкну — сымайте меня под руки, и на коленки! Вон туда, там почище. И мягко ставьте, черти, не с размаху.

Тут все загудели:

— Едут, едут!

Староста обернулся вслед за остальными — Осподи-Сусе!

Московскую дорогу будто накрыла туча. По обе стороны, широко, ехали всадники, а по шляху все разматывалась, разматывалась лента из повозок, да конных, да пеших, и не было ей конца.

Только теперь догадался староста, кто это. Обмер: неужто сподоблюсь, своими глазами увижу? Самого великого князя Ивана Васильевича?

Нет, не сподобился. Глянул по сторонам главный над зелеными слугами человек — длинноротый, грозный — и велел:

— Убрать этого! Больше ненадобен!

Схватили старосту за шиворот, отволокли от двора, поддали пинка — катись, чтоб духу не было.

Сначала понаехали багряные, очень много — до полутысячи. Слезли с седел, встали вдоль всей улицы сплошным частоколом, по обе стороны.

Потом приблизился одинокий всадник, казавшийся великаном — он был непомерно долговяз, смиренный старый конь под ним огромен.

Вся длинная колонна в Кресты не вошла, да она в селе и не разместилась бы — сотни повозок, тысячи людей и лошадей. Встали лагерем прямо в поле, споро и привычно.

Достигнув ковровой дорожки, чудо-всадник не торопился спуститься на землю. Он вообще был нескор. Сначала осмотрел всё вокруг, взглядом вроде бы скольльзящим, но внимательным. Человек был не сказать, чтоб молодой, но и совсем не старый — будто без возраста; не красавец, но и не урод; борода не длинная и не короткая, острая; нос слегка хрящеватый, но не горбатый; лицо, лишенное всякого выражения, привыкшее скрывать чувства. Кроме высокого роста единственной приметной чертой великого князя была сильная сутулость, придававшая Ивану Васильевичу неуловимое сходство с черепахой, готовой чуть что спрятать голову в панцирь.

Главный зеленый слуга, сняв шапку, гибко кланялся плешью до земли, а разгибаясь, повторял:

— Пожалуй, государь, отдохнуть-покушать...
Пожалуй, государь, отдохнуть-покушать...

Ничего вокруг не упустив, коротко задержав взгляд на коленопреклоненном наместнике, но даже не кивнув ему, сутулый наконец перекинул

через седло журавлиную ногу, оперся о макушку конюха, ступил на ковер.

Уже на крыльце, не оборачиваясь, сделал назад вялый жест рукой. Кому следует — поймет.

И смотревший в спину государю наместник понял. Цокнул — холопы под мышки подхватили его, тоже понесли в дом, но только до ступенек. Там Борисова приняли двое багряных богатырей и легко, словно мешок с соломой, поволокли дальше.

В гостебной избе будто побывал чародей — махнул волшебной палочкой и превратил убогую конуру во дворец. Закопченные стены и щелястые двери прикрылись висячими узорчатыми тканями, на полу заиграли многоцветьем персидские ковры, скамьи взгорбились подушками, стол устлался бархатной скатертью, а перед ним высилось резное сандаловое кресло.

Князю подали умыться — лили подогретой водой из серебряного кувшина в серебряный таз. Вот он вытер лицо, руки, бритую по-татарски голову, не глядя кинул полотенце и лишь тогда посмотрел на наместника, посаженного к столу, на скамью. Но опять ничего не сказал.

Стольничьи отроки — все гололицые, зеленокафтаные, почти неотличимые друг от друга — бесшумно подавали кушанья. Каждый ведал своим делом: один, востроносый и гибкий, с несказанной ловкостью разметал тарелки, будто сами вылетавшие из его руки. Другой раскутал горячие пироги-калачи и красиво разложил печеное мясо, курятину, красную рыбу. Третий зажурчал сбитнем: из хрустального поставца ровнехонько в край кубка.